Текст · 6 мая 2025, 16:05
Елизавета Нестерова,

«Судите меня за госизмену. Я вашему обезумевшему государству изменил». Речь 58-летнего Андрея Трофимова в военном суде

В 2023 году антивоенного активиста из Твери Андрея Трофимова приговорили к 10 годам колонии строгого режима по нескольким статьям УК. В своем последнем слове он назвал Владимира Путина «хуйлом» и «горячо одобрил» украинские атаки на Крымский мост и Кремль. Этот текст лег в основу второго уголовного дела против Трофимова — об оправдании терроризма и «дискредитации» армии.

Сегодня судья 2-го Западного окружного военного суда Вадим Краснов на выездном заседании в Тверском военном гарнизонном суде увеличил Трофимову срок до 13 лет (прокурор Андрей Лопата требовал больше — до 15 лет).

Перед первым приговором Трофимов просил суд назначить ему максимальное наказание, сейчас — предложил переквалифицировать обвинение на более тяжкую статью о госизмене, сказав, что участвует в информационной войне на стороне Украины.

«Медиазона» с незначительными сокращениями публикует речь Андрея Трофимова в прениях.

Ваша честь, фактические обстоятельства моих действий, которые следствие квалифицировало как преступления, изложены в обвинительном

заключении верно и в судебном заседании исследованы полно.

Я в своем выступлении хочу остановиться на причинах таких действий, на своих целях, подробно, по статьям пройтись по [своему] отношению к обвинению, то есть объяснить мотив непризнания вины. И в конце высказать просьбу к суду по поводу того, что со мной делать дальше.

Я жил тихо и никого не трогал на даче с кошками. И жизнь моя переломилась 24 февраля 2022 года. Причиной как первого уголовного дела, так и нынешнего уголовного дела стало нападение России на Украину. Я далее объясню, почему я квалифицировал это событие так.

Я все же в тюрьме за слова. Ни по первому делу, ни по второму никаких действий не было. Но это мой способ участия в событиях, потому что у меня не было никакой физической возможности покинуть страну. А молчать в этой ситуации я не захотел. Ну, моя жизнь.

Зачем я это делаю? Я вот должен ответить на вашу вчерашнюю реплику по поводу того, что своими выступлениями, в том числе, и в суде, я могу навредить моим собственным интересам. Ваша честь, мои интересы не в сокращении срока. Я уже сижу.

А в чем цель того, что я делаю? Ну, глобально говоря, это самосохранение. Просто я понимаю инстинкт самосохранения не как сохранение чисто тела, его физического здоровья. Потому что я — это не только мое тело. Я хочу сохранить в этой

непростой ситуации совесть, способность отличать черное от белого, а ложь от правды и, что очень важно, способность произносить вслух, что я считаю правдой.

Это у меня началось не в 2022 году. Я старался так жить всегда. Просто вот желание сохранить эту свою способность и в таких ситуациях — оно в общем-то и вызывает такие действия. Значит, способность говорить правду, сохранение совести.

Какие действия мы наблюдаем? Мы наблюдаем составы тех статей, которые мне не вменяются. Состав статьи 278 УК РФ — насильственный захват или насильственное удержание власти. Я имею в виду Владимира Путина, который занимает высший государственный пост в Российской Федерации ровно четверть века. Все это время в Конституции Российской Федерации присутствует принцип сменяемости власти, изложенный в виде правила двух сроков. Мы наблюдаем прямое нарушение этого, и это является насильственным удержанием власти.

В происходящем после 24 февраля мы наблюдаем состав статьи 353 УК — планирование, подготовка, развязывание и ведение агрессивной войны.

Что в этой ситуации делаю я? Я публично — в режиме одиночного пикета, просто долгого[1] — демонстрирую безумие российского государства. Вот смотрите, 15 лет просит обвинение суммарно — срок, который дают за убийство. Даже за убийство дают часто меньше. При этом нет в моих делах пострадавших, нет ущерба.

И я не только про период этих уголовных дел, но и за всю свою жизнь никого пальцем не тронул, ни копейки не украл. Тем не менее, 15 лет. Я считаю, что это демонстрация безумия государства. Государство радостно на мне это свое качество демонстрирует.

Что делаю я в ответ? Я демонстрирую стойкость. И это очень важно, потому что я надеюсь, что то, что я делаю, видят украинцы. Вот смотрите. Вот арестовали. Вот осудили, десятка строгого [режима]. Судите по второму делу. Сильно ли вы меня убедили? То есть я что, прекратил свои действия? Или меня стало хуже слышно? Нет.

То же самое мы наблюдаем на фронтах войны. Четвертый год российское государство льет кровь на земле соседней страны. Украина не сдалась и не сдастся.

Среди того, что мне не то чтобы предъявляется, но звучало неоднократно в обвинительных заключениях и в предъявленных доказательствах — это оскорбление Владимира Владимировича Путина нецензурным словом «хуйло». Что я делаю? Это называется десакрализация.

Потому что сакральность верховной власти является одной из основ ордынского способа правления. Когда я публично, неоднократно, в первом суде, во втором, в СИЗО каждый день проделываю вот это — это мой акт десакрализации Владимира Путина. Это важно, потому что эта власть все равно закончится. А я очень хочу это приблизить. Я этого человека ненавижу. И то, что говорит обвинение по поводу

мотива политической ненависти — это святая правда. Это я подтверждаю.

Аудитория, которой я адресуюсь вот этими своими действиями, находится не в России. Потому что российское общество мертво и с ним бесполезно разговаривать. Моя аудитория — Украина.

Перехожу к отношению к обвинению по статье. Я не признаю вину по статье 205.2 УК[2] по обеим частям

— речь идет об одном и том же тексте, просто в интернете размещенном и произносимом в СИЗО. Потому что я не считаю терактами те эпизоды, которые я выбрал для того, чтобы вставить в свое последнее слово. Я их выбирал осмысленно.

Значит, речь идет о двух атаках на Крымский мост. Крымский мост — артерия транспортная очень важная, по которой снабжается группировка вооруженных сил Российской Федерации в Крыму. Атака на военный объект — это эпизод боевых действий. Атака совершена вооруженными силами Украины.

Квалификация этого в качестве теракта. Зачем это проделано? Я прекрасно знаю об этом. Это проделывается для того, чтобы, во-первых, использовать это в российской пропаганде с целью расчеловечивания противника. То есть воюет Российская Федерация не с вооруженными силами Украины, предусмотренными законодательством Украины и выполняющими свой конституционный долг, а с некими террористическими бандформированиями «бандеровцев» и «укронацистов». Чтобы поддержать

эту повестку, принимаются решения о возбуждении уголовных дел по статье о теракте за эпизоды боевых действий.

И ко второму эпизоду, который я упомянул, то есть к атаке на Кремль 3 мая 2023 года. Что мы имеем по Кремлю? В сообщении Следственного комитета, которое цитировал вчера гособвинитель, прямо указано, что атака была совершена на резиденцию президента Российской Федерации, который является главнокомандующим вооруженными силами Российской Федерации. Причем украинцы попали еще и по зданию Сената, которое находится на закрытой для туристов территории Кремля и в котором действительно расположен один из кабинетов Путина. Извините меня, это не теракт, это эпизод боевых действий — причем неуспешных — со стороны Украины.

Я должен сказать громко вслух, что никакой терроризм я не оправдываю, не поддерживаю, никогда не оправдывал и не собираюсь. Я категорически негативно отношусь к идеологии и практике терроризма.

Переходим к статье 280.3 УК[3]. Статья новодельная, появилась после начала того, что мы называем «специальной операцией».

И она вот чистый пример преследования за правду. Потому что возникла ситуация, когда заткнуть рты противникам войны надо, а невозможно предъявить, скажем, вот мою любимую 207.3 УК[4]. Как предъявить «фейки», если человек выразил просто отношение к происходящему? Так и появилась статья 280.3 и

понятие «дискредитации», которое очень плохо в самом деле формулируется юридически.

Мне говорят, что мои фразы «Украина — жертва агрессии страны России» — это дискредитация ВС РФ. Что мы имеем? Мы имеем резолюции Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций от 2014 года. О том, что присоединение Крыма к России — это аннексия. Это сказал не я. Это резолюция Генеральной Ассамблеи, там нет права вето, поэтому она была принята хорошим большинством голосов. Это позиция международного права.

Аналогично мы имеем резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН от марта 2022 года, в которой события 24 февраля названы агрессией. И мы имеем резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН по поводу включения в состав России Донецкой, Луганской, Запорожской и Херсонской областей Украины, в которой эти действия названы аннексией.

Я обращаю внимание, что выступления, скажем, спикера МИДа Маши Захаровой не являются источником международного права. Заявления министра иностранных дел России Лаврова не являются источником международного права. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН источником международного права является. И поэтому мои оценки основаны железно на документах международного права.

Но у меня в качестве дискредитации, безусловно, вменяется еще фраза про путинских мразей. Во-первых, «путинских», с вашей точки зрения, не может быть дискредитацией, потому что, с вашей

точки зрения, Путин — это хорошо. А по поводу второго слова — да, это мое личное оценочное мнение, оно относится не только к военнослужащим ВС РФ, которые выполняют преступные приказы. Да, в ВС РФ тоже есть люди, которые не выполняют преступные приказы, но там воюют же не только они.

Вот люди, которые за деньги убивают военных соседней страны... Ну, извините, вот я так характеризую. Мое личное оценочное суждение. Оно основано на действиях.

Суммирую по этой части выступления. В Конституции Российской Федерации есть статья номер 29 — право свободного слова, в том числе право собирать и распространять информацию. Исключительно этим я на самом деле занимаюсь. То есть за статью 29 Конституции я не заступил ни на миллиметр. А при этом безусловно нарушил вот эти две текущие статьи Уголовного кодекса.

Как такое может быть? Да вот потому и может, что вменяемые мне статьи антиконституционные. И если бы в России был настоящий Конституционный суд, этих статей бы давно не было.

Не могу пройти мимо эпизода с моим докладом прокурору Жуку[5], который не был мне вменен, но тем не менее, по нему мы вчера слушали свидетелей. Почему он вообще здесь есть? Ведь в нем нет текста последнего слова. В нем нет упоминаний терроризма или каких-либо вообще насильственных действий. Про вооруженные силы я тоже ни слова не сказал.

А дело в том, что вот это мое второе дело — это результат вот этого моего выступления перед прокурорской комиссией. Потому что в деле — это не оглашалось, но есть — два постановления следователя ФСБ подполковника Ерофеева Сергея Вячеславовича о прекращении этого дела. То есть мой следователь, с которым у нас очень хороший уровень взаимопонимания, который прекрасно понимает, что я делаю и чего я добиваюсь, пытался это дело прекратить два раза.

Я перехожу к заключительной части своего выступления по поводу правильной квалификации моих действий. Это мое участие в войне на стороне Украины. Просто оно происходит без оружия. Потому что война — это такое очень многоплановое событие. И кроме боев в степях Донбасса, в Черном море, в небе над Украиной, она ожесточенно идет в информационном пространстве. В ней участвуют государственные органы, российские органы... Со стороны Украины участвуют тоже такие, например, структуры интересные.

Я воюю в информационном пространстве. В чем это выражается? 9 октября 2022 года я написал и отправил через электронные почтовые сервисы — и оно прошло — заявление президенту Украины Владимиру Александровичу Зеленскому с просьбой об украинском гражданстве. Я имею на него право по территориальному происхождению. У меня все бабушки и дедушки из Украины. Законодательство Украины говорит о том, что право на гражданство у меня есть.

Значит, мне удалось приобщить к уголовному делу и исследовать в суде скриншот с «Каспаров.ру». Что он подтверждает? То, что, кроме публикации своего последнего слова, я публиковался и публикуюсь[6] на

«Каспаров.ру» регулярно. Это что подтверждает? Что вот то, за что меня сейчас судят, является на самом деле просто эпизодом моей деятельности, которой я не прекращаю.

Еще упомяну, конечно, «Новую газету», на сайте которой выходили мои письма тоже. И свежее мое достижение в этой деятельности — признание меня политическим заключенным официально, потому что я так себя именую в СИЗО, я вот так подписываюсь в ходатайствах на имя уважаемого суда. Но это было до сих пор как бы самоназвание.

14 апреля текущего года опубликовано решение Совета по политическим заключенным Международного правозащитного центра «Мемориал». В рамках этой моей деятельности уголовные дела — что первое, что второе — я использую как информационный повод.

Война в информационном пространстве имеет место быть. Я в ней участвую, я пытаюсь это сейчас аргументировать. Информационно поддерживаю я Украину и вооруженные силы Украины. Фактически это переход на сторону противника в вооруженном конфликте с участием Российской Федерации — это состав статьи 275 УК РФ, то есть государственная измена.

Прошу суд вернуть мое уголовное дело прокурору, так как фактические обстоятельства свидетельствуют

о наличии оснований для квалификации действий как более тяжкого преступления. Судите меня за госизмену. Я вашему обезумевшему государству изменил.

Адрес для писем:
170010, Тверская область, г. Тверь, ул. Вагжанова, 141, ФКУ СИЗО-1 УФСИН по Тверской области
Трофимову Андрею Николаевичу 1966 года рождения
Работают сервисы Зонателеком, Ф-письмо и prisonmail.online (принимает оплату иностранными картами)

Редактор: Дмитрий Ткачев

1. В СИЗО Андрей Трофимов перед проверками рисовал политические плакаты и встречал с ними заходящих в камеру сотрудников ФСИН. Кроме того, он повторял свое последнее слово так, чтобы это слышали другие заключенные.

2. Оправдание терроризма, в том числе в интернете.

3. Дискредитация российской армии.

4. Распространение военных «фейков».

5. Андрей Трофимов имеет в виду визит члена ОНК Павла Макарова и помощника уполномоченного по правам человека в СИЗО-1 в Твери — их сопровождали сотрудники прокуратуры. Комиссию Трофимов встретил с плакатом «Я/МЫ Навальный».

6. На «Каспаров.ру» выходят колонки Трофимова, которые он пересылает из СИЗО по почте.